

Огромный пожар превратил старый храм в руины. Боковой зал, где старый монах проводил молитвы, исчез, и главный зал, посвящённый Будде, куда редко ступала нога человека, тоже сгорел дотла. В заднем дворе от комнат осталась лишь одна стена.

Тао Цзюсы сохранил лишь одну память, которая сопровождала его через горы и моря, в ночи, полные бурь и дождей.

Обойдя развалины храма, Тао Цзюсы предложил Хэ Сиюню сначала вернуться домой, а сам отправился к могиле старого монаха, следуя своей памяти.

Место, где был похоронен старый монах, нельзя было назвать кладбищем. Здесь покоились те, кого похоронили поспешно, чьи души некому было помянуть.

Могила старого монаха выделялась среди остальных своей внушительностью. За эти годы семья Хэ ухаживала за ней, поэтому на могиле не было сорняков, а в праздники перед памятником всегда лежали фрукты и горели три благовонные палочки.

Тао Цзюсы сел перед памятником старого монаха, скрестив ноги, и, глядя на надпись «Могила Наставника Цяньцзяньюэ», мысленно рассказал о своих испытаниях в прошлой жизни, о своём перерождении и о великом обете, который он дал в этой жизни.

Внезапно Тао Цзюсы вспомнил, что, когда они с наставником хоронили старого монаха, рядом была ещё одна маленькая могила. Он встал, раздвинул траву и действительно увидел ту самую могилу, которая, из-за недостатка ухода, постепенно заросла дикими растениями и стала почти незаметной.

Тао Цзюсы вспомнил слова наставника в тот день. Похоже, здесь была похоронена женщина, и он смутно чувствовал, что она была как-то связана со старым монахом.

Однако перед могилой не было ни одного памятника, и невозможно было узнать, кто здесь покоится, какова была её связь со старым монахом и, возможно, с ним самим.

Пока Тао Цзюсы размышлял, солнце уже клонилось к закату. Он уже собирался уходить, как вдруг увидел Хэ Сиюня, который подходил с несколькими слугами.

Один из слуг, увидев могилу рядом с могилой старого монаха, вдруг сказал:

— Я был здесь!

Хэ Сиюнь с удивлением посмотрел на него, и слуга объяснил:

— Господин, возможно, вы не знаете, но около восьми или девяти лет назад Наставник Жу-мэн приходил в наш дом, чтобы попросить нескольких человек для помощи в похоронах друга. Тогда хозяйка отправила меня и двух других слуг. Мы не придали этому значения, но сейчас, увидев это место, вдруг вспомнил.

Тао Цзюсы спросил:

— А знаете, кого хоронили?

Слуга ответил:

— Это я не знаю. Когда мы пришли, тело уже было в гробу. Но... судя по разговору старого монаха и Наставника Жу-мэн, это была женщина.

Тао Цзюсы продолжил:

— А что ещё они говорили? Вы помните что-нибудь?

Слуга нахмурился, пытаясь вспомнить, но затем покачал головой:

— Во-первых, прошло много времени, а моя память не лучшая. Во-вторых, я тогда был молод и больше интересовался окружающим, чем их разговором. Если вы хотите узнать больше, спросите тех двоих слуг, которые были со мной.

Тао Цзюсы наконец увидел проблеск надежды на разгадку тайны. Он почтительно поклонился три раза перед могилой старого монаха, а затем вместе с Хэ Сиюнем спустился с горы.

Семья Хэ была самой влиятельной в уезде Аньнин, их корни уходили на сотни лет в прошлое. Говорили, что большая часть магазинов в городе Аньнин принадлежала семье Хэ, как и большая часть сельскохозяйственных земель.

Хотя это было некоторым преувеличением, реальность была близка к этому. В последние годы дядя Хэ Сиюня отправился в Цзинло заниматься бизнесом и, благодаря удачному управлению, теперь владел тремя ткацкими мастерскими и двумя ресторанами.

Дом Хэ был старинным, и каждый глава семьи не жалел средств на его украшение. Здание было многоэтажным, с изысканными павильонами и величественными залами. Когда Тао Цзюсы в детстве приходил сюда играть, он иногда сомневался, не находится ли он в императорском дворце.

Однако, несмотря на размеры дома, сейчас в нём жили только бабушка Хэ Сиюня, его родители и младший брат, которого недавно прислал дядя. Поэтому дом казался пустынным и тихим.

Когда Хэ Сиюнь вернулся домой, его одного хватило, чтобы оживить дом, и в семье Хэ впервые за долгое время стало шумно.

Особенно рада была бабушка Хэ, увидевшая Тао Цзюсы. Она не могла сдержать улыбки.

Тао Цзюсы с детства был красив, умён и спокоен, что вызывало симпатию у старших семьи Хэ.

С тех пор, как они не виделись, Тао Цзюсы превратился из мальчика в элегантного молодого человека. Его черты лица не только не изменились, но стали ещё более привлекательными, а его спокойствие и достоинство заставили бабушку Хэ желать, чтобы он стал её внуком.

Тао Цзюсы, увидев семью Хэ, которая в детстве относилась к нему как к родному, тоже был рад. В порыве чувств он выпил немного вина, и, едва оно коснулось его губ, он почувствовал лёгкость, словно парил в небесах, и вскоре уснул за столом.

Несмотря на опьянение, на следующий день Тао Цзюсы встал рано. Только он заварил чай, как Хэ Сиюнь поспешно постучал в дверь, сопровождаемый двумя мужчинами — один в белом, другой в чёрном.

Увидев Тао Цзюсы, Хэ Сиюнь пошутил:

— Сяо Тао, ты так слабо пьёшь! Вчера всего один глоток, и ты уже уснул за столом!

Тао Цзюсы сделал глоток чая и спокойно ответил:

— До девятнадцати лет я не пил ни капли вина. Сейчас могу выпить только одну маленькую чашку.

Хэ Сиюнь покачал головой:

— Сяо Тао, никогда не пей с незнакомцами или теми, у кого дурные намерения. Ты слишком уязвим. И кстати, выносливость к вину нужно тренировать. Когда вернёмся в Цзинло, я буду приходить к тебе в дом Су и тренировать тебя.

Тао Цзюсы поднял бровь:

— Наверное, ты под этим предлогом хочешь быть ближе к Цинмэн? Когда вернёшься в столицу, найди себе серьёзное занятие, может, тогда всё наладится.

Уши Хэ Сиюня слегка покраснели, и он поспешил представить двух мужчин:

— Сяо Тао, не говори об этом. Вот те, кого ты искал.

Эти двое — те самые, кто помогал с похоронами. Теперь они управляли магазинами в городе и, получив письмо от Хэ Сиюня, сразу пришли.

Тао Цзюсы пригласил их сесть, сам заварил чай и подал им, а затем сказал:

— Думаю, вы уже знаете, зачем я вас позвал. Сегодня я хочу спросить, кого тогда хоронил старый монах. Вы знаете что-нибудь?

Они уже обдумали это по дороге, и большая часть воспоминаний вернулась. Мужчина в белом ответил первым:

— Тогда хоронили женщину. Старый монах шёл рядом с гробом и говорил с ней. Мы слышали, что она тоже носила фамилию Тао.

Хэ Сиюнь, слушая это, внутренне содрогнулся.

Мужчина в чёрном добавил:

— Эта женщина, похоже, была старой знакомой монаха. Мы слышали, как он извинялся перед ней.

Мужчина в белом вдруг посмотрел на Тао Цзюсы, словно не решаясь говорить, колеблясь и запинаясь.

Мужчина в чёрном, напротив, с решительным видом сказал:

— Сяо Тао, не сердись, но мы слышали ещё кое-что. Мы никогда никому об этом не рассказывали. Старый монах сказал... сказал...

Хэ Сиюнь нетерпеливо перебил:

— Что он сказал? Говори!

— Старый монах сказал: «Я вырастил твоего ребёнка и нашёл ему хорошую семью. Скоро я тоже спущусь к тебе». — Мужчина в чёрном, стиснув зубы, выложил правду.

Хэ Сиюнь, увидев, что Тао Цзюсы выглядит ошеломлённым, сам спросил:

— А кто была эта женщина? Вы знаете?

Мужчины в белом и чёрном посмотрели друг на друга, но на этот раз никто из них не осмелился заговорить.

В комнате повисла тишина. Тао Цзюсы, оправившись от шока, понял, что он был сыном старого друга монаха, а не случайно найденным младенцем, и что этот друг, похоже, был кем-то особенным.

Тао Цзюсы уже хотел взять чашку чая, чтобы успокоиться, но мужчина в чёрном, помедлив, наконец заговорил:

— Эта женщина была известной в уезде Аньнин... куртизанкой...

Хэ Сиюнь, услышав это, чуть не выгнал мужчин из комнаты, но Тао Цзюсы махнул рукой, давая знак продолжать.

<http://bllate.org/book/16421/1488157>